

Петр Алешкин

Зыбкая тень

Повесть

Петр Алешкин

Зыбкая тень. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21994506

ISBN 9785448334047

Аннотация

Герой повести влюбляется в крайне неподходящий для себя момент и из-за этого попадает в чужую криминальную историю. Ему приходится спасти свою любимую. В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты с неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием – поток действия.

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	19
5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Зыбкая тень
Повесть
Петр Алешкин

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-3404-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Красавец какой! – вполголоса сказала женщина своей спутнице, когда автобус, покачиваясь и поскрипывая, поворачивал на перекрестке. Стояли они на задней площадке у окна возле прораба Виталия Трофимовича Маркелова.

– Тут, говорят, таких домов целый микрорайон будет, – ответила спутница.

Маркелов понял, что разговаривают они о новом доме, который на повороте стал виден в окно автобуса. Отделочными работами в нем руководил Виталий Трофимович. Дом под утренним солнцем был действительно хорош: белый, светлый. Издали не были видны забрызганные шпаклевкой стекла. «На балконах стены выкрасим в зеленоватый цвет, совсем расцветет!» – подумал Виталий Трофимович и хотел сказать это женщинам, но автобус затормозил, заскрипел, двери, шипя, распахнулись. Маркелов вышел на тротуар и еще раз взглянул на освещенный солнцем дом. «Хорош! Хорош! И планировка хороша, не то что прежде строили!» – подумал он об устаревшем проекте, по которому до недавнего времени монтировал дома домостроительный комбинат.

Маркелов двинулся по тротуару мимо щитов с объявлениями и газетами. Возле одного из них, широко открыв застекленные рамы, парень прикалывал кнопками листок – объявление о розыске преступника. Несколько любопытных,

ожидавших автобуса, стояли рядом. Парень закрыл рамы и отошел. Виталий Трофимович приостановился возле щита. У него были причины интересоваться уголовными историями. Между желтых, выцветших на солнце и известных Маркелову плакатов только что приколотый листок выделялся своей белизной. С размытой фотографии смотрел на Маркелова худощавый парень с коротко остриженными волосами. Облик его был знаком. Пораженный Виталий Трофимович не сразу оторвался от лица преступника, чтобы прочитать имя, а когда увидел черные слова: «Разыскивается особо опасный преступник Анохин Степан Игнатьевич», у него перехватило дыхание. Шея одеревенела. Виталию Трофимовичу показалось вдруг, что разыскивается он, Маркелов, и об этом уже догадались все: вывернут ему сейчас руки за спину и поведут в милицию. Неодолимо захотелось отойти потихоньку, на цыпочках, от щита и бежать, пока не скроешься. Маркелов сглотнул несколько раз, освобождаясь от внезапно подступившей тошноты, и стал читать дальше, надеясь узнать, что Анохин совершил на этот раз. Но об этом не говорилось. Маркелов с Анохиным смотрели друг на друга. И был Анохин точно таким, каким его запомнил Виталий Трофимович.

«Придет! Точно придет! – с тоской подумал Виталий Трофимович, отходя от щита. – За деньгами ладно бы, отдам хоть все... Как бы отсиживаться не пришел!» Вдруг вспомнилась ему Лида, жена, вспомнилось, как утром за завтраком

отчего-то грустно стало, когда он увидел дочурку Леночку, заспанную, в длинной ночной сорочке – она босиком шлепала по паркету, направляясь в туалет, и остановилась перед дверью, глядя на него прищуренными спросонья глазами. Грустно стало, словно в командировку собирался. Никогда с ним такого не было. Нехорошо это! «Не предчувствие ли встречи с Анохиным? – думал Маркелов. – Придет! Нужно приготовить деньги!..»

Познакомились Анохин с Маркеловым пять лет назад в милиции. Оба попали в изолятор первый раз. Обстановка там была им одинаково непривычна. Оба сторонились шумных, старающихся казаться бывалыми, временных соседей. Чтобы не быть в одиночестве, потянулись друг к другу... Прораб Маркелов попался на краже линолеума, а Анохина обвинили в ограблении колхозной кассы. Когда стало ясно, что Анохину не выпутаться, а Маркелова управление возьмет на поруки, Анохин рассказал новому приятелю, где спрятал довольно большую часть денег из колхозной кассы. Рассказал потому, что опасался, что до его выхода из колонии денег в тайнике не окажется. Ненадежное было место. Прятал впопыхах. Маркелов мог пользоваться теми деньгами, но вернуть должен был половину по первому требованию Анохина. Виталию Трофимовичу деньги тогда были нужны.

Маркелов весь день на работе нервничал, не покидало ощущение, что за ним наблюдают, постоянно хотелось оглянуться. И он не выдерживал, оглядывался. На другой день,

в четверг, тревога притупилась, стала отпускать, а в пятницу утром начальник потребовал, чтобы он обеспечил работу в выходной день, в субботу, иначе отделку дома в срок не закончить. Виталий Трофимович, бегая по этажам, забыл о Анохине, забыл о своей тревоге.

2

Начальник уголовного розыска Батулин вызвал к себе оперуполномоченного Морозова. Когда тот вошел в кабинет начальника, там сидел парень: аккуратный пиджак, галстук.

– Познакомься, Валерий Григорьевич! – сказал Батулин Морозову, и парень быстро поднялся. – Николай Егорович Чистяков, оперуполномоченный, пока по документам, а настоящего оперуполномоченного из него должен сделать ты!

– Сделаем! – усмехнулся Морозов, пожимая руку Чистякова.

Лицо парня ему понравилось: энергичное, волевое, взгляд доброжелательный.

– Это одно! – продолжал Батулин и указал рукой на стул: – Садись... Не успели мы объявление о розыске Анохина вывесить, как вот, первый сигнал! – Батулин поднял над столом листок из школьной тетради и заглянул в конец письма. – Гражданка Стыркина пишет, что видела Анохина возле кинотеатра «Зенит» с женщиной в розовом сарафане. Мужчина высокого роста, кареглазый, нос прямой, лоб высокий, коротко стриженный, худощавый... с усами... Приметы совпадают, а усы отрастить недолго... Как видите, Валерий Григорьевич, Анохин объявился у нас... к сожалению, конечно... Раньше занимался им ты, займись снова...

Николай Чистяков слушал Батулина с деловым видом,

чуть нахмутив брови, старался не пропустить ни слова. Начальник уголовного розыска был похож на учителя истории, перед которым Чистяков сильно робел в школьные годы и всегда смущался, когда учитель обращался к нему, хотя говорил он ровным, даже ласковым голосом. Батурин говорил точно так же, неторопливо и обстоятельно, словно объяснял новую тему урока.

– Сомневаюсь я, чтобы такой неглупый человек, как Анохин, полез в город, где можно знакомых встретить и погореть, – сказал Морозов, подставляя руку под прохладную струю воздуха от вентилятора, который, тихонько урча, поворачивал свою белую голову то к Батурину, то к нему. – По таким приметам и меня за Анохина принять можно: нос прямой, глаза карие, лоб высокий, рост выше среднего...

– Верно!.. Но давай размышлять! Давай поставим себя на место Анохина... Допустим, мы с тобой взяли кассу. Я ушел с деньгами, а ты попался и рассказал все обо мне. Объявлен розыск. Что мне делать? Что бы ты стал делать на месте Анохина, Николай Егорович? – обратился Батурин к Чистякову.

Николай не ожидал вопроса, смутился, но быстро нашелся:

– Пришел бы с повинной!

Батурин и Морозов засмеялись.

– Приходят, приходят после объявления всесоюзного розыска, но на это надеяться не надо...

– У меня было бы два варианта, – серьезно сказал Чистяков. – Первый – перейти на нелегальное положение и второй – купить документы на другое имя!

– Верно! И что бы ты выбрал из двух версий, Валерий Григорьевич? – взглянул Батурин на Морозова. – Характер Анохина тебе известен!

– Второй, конечно!.. У него были документы на другое имя, почему же и снова там не достать?

– Там уж нельзя! Доставал Анохину его сообщник...

– Но я могу купить в другом городе, зачем мне соваться в Красногорск?

– Где? Ты когда-нибудь читал объявление: продаются, мол, документы, – пошутил Батурин. – Анохин с преступным миром связан не был. Это тобой установлено! Конечно, он мог узнать адреса, когда отбывал срок. Познакомился он с сообщником там... Мог!.. – Батурин вспомнил о Штронине, заводском художнике, который был судим несколько лет назад за изготовление фальшивых документов, и спросил: – В каком Анохин институте учился?

– В художественно-промышленном...

– А Штронин?

– Там же!

– Проверьте, не однокурсниками ли они были?

– Нет-нет! Анохина перед судом с третьего курса отчислили, а Штронин в то время уже срок отсидел. Диплом у него был.

– Но исключать возможность, что они были знакомы, мы не можем! А если были знакомы, почему бы Анохину не рискнуть, не приехать к нему?

– Он ведь мог еще и до объявления розыска купить у Штронина документы и умотать отсюда.

– Мог, мог, конечно. Но мог и подождать: объявят или не объявят розыск. Он ведь не знал, остался жив сообщник или умер. Выдал он его или нет? Версий много! А вот перед нами сигнал, – указал Батурин на письмо в руках Морозова. – А как Штронин поживает?

– Ничего подозрительного... Говорит, что с прошлым распрощался...

– А где деньги взял на машину? Проверили?

– Мать у него в деревне умерла... На сберкнижке у нее мелочь была, но он утверждает, что мать сберкассе не доверяла. Дома держала деньги. Проверить нельзя. Да и заказ он солидный для завода перед праздником делал...

– Хорошо! Установите наблюдение за квартирой и дачей Штронина. Там мы можем Анохина встретить... Действуйте!

– Вы с Анохиным знакомы? – спросил Николай, когда Морозов привел его в свой кабинет.

– Знаком! Дружок мой закадычный! – усмехнулся Валерий Григорьевич, располагаясь за столом и доставая папку из ящика. – Лет пять назад он в колхозе сейф вскрыл. Меня к тому делу подключили... Повозиться пришлось... А те-

перь опыта набрался, легко не дастся!.. Если он вообще в нашем городе. К кому он сюда мог приехать? Действовал раньше в одиночку. Бывшие знакомые его – порядочные люди. Вряд ли кто осмелится скрывать его у себя. А вообще-то, черт его знает, человек он темный! В хорошем институте учился, мог бы художником стать. Все данные были! Я интересовался. Преподаватели в один голос утверждали – талантливый парень! А он стал таскаться по колхозам, халтуру искать и доискался до сейфа. И все, что взял, за две недели спустил!

Морозов, рассказывая, пробил две дырки в письме Стыркиной и вложил его в папку-скоросшиватель вместе с объявлением о розыске Анохина.

– А теперь что он сделал?

– В Сибири зарплату большого завода взял. Хорошо, что на этот раз был не один. А то б нам его не искать... – Валерий Григорьевич достал из ящика стола фотокарточку и обратился к Чистякову: – Слушай, Николай... – он запнулся. Называть по отчеству парня почему-то не стал. – Слушай, Николай, отнеси-ка фотографию Анохина в лабораторию. Пусть срочно размножат... Вечером мы ее по ресторанам и танцплощадкам развезем. В таксопарк тоже нужно занести... Человек он общительный, любит погулять, повеселиться. Если он у нас, то долго в норе не просидит. Официанты и таксисты не раз помогали нам в таком деле.

3

На втором этаже Маркелов встретился с маляром. Девушка несла в ведре зеленую краску для панелей.

– Люба, ты точно выходишь завтра? – по инерции спросил Виталий Трофимович.

– Я – Люда, – поправила его девушка. – Я же обещала, значит, выйду!

– Да-да, Люда, извини, я уж совсем закружился сегодня! Девушка повернулась и пошла к открытой двери двухкомнатной квартиры, но возле порога остановилась и сказала:

– На улице вас парень какой-то ищет... Вот он, смотрите! – указала она в окно лестничной клетки.

Виталий Трофимович нахмурился, нагнулся, чтобы посмотреть в низко, над самым полом расположенное окно, кто его ищет. Об Анохине он забыл и решил, что снова пришел Витька Заварзин, бывший приятель по строительному техникуму. Витька жил в зятях. С женой не ладил. Сегодня она в очередной раз выставила его за дверь. Заварзин приходил утром к Маркелову, просился пожить недельку. Он знал, что у Виталия Трофимовича трехкомнатная квартира. Место есть. Но Маркелов не пустил, сказал, что у него живет теща. Теща у него не жила, а отказал он потому, что Заварзин был бабником. Поэтому и с женой не ладил. Маркелов боялся, как бы Витька не стал приударять за его женой. Ви-

талий Трофимович с раздражением думал, как ему отвязаться от Витьки. Но от прорабской к подъезду уверенным шагом шел парень в розовой сорочке и джинсах, совсем не похожий на Заварзина. В руках «дипломат». Что-то знакомое было в облике парня. И чем ближе он подходил к подъезду, тем тревожнее становилось Маркелову. Когда парень быстро метнул взгляд влево-вправо, Маркелов вспомнил: «Анохин!» – и отпрянул от окна. На мгновение перехватило дух. Виталий Трофимович, осторожно ступая по лестнице, поднялся на один пролет, потом кинулся вверх, стараясь как можно бесшумнее опускать ноги на ступени. Так бежал он этажей пять, пока не задохнулся. Остановился и, переведя дыхание, стал прислушиваться. Сердце разрывалось у самого горла.

– Девочка, ты Маркелова не встречала? – услышал он через минуту.

– Сейчас только наверх побежал!

Виталий Трофимович сразу сник, оперся на забрызганные шпаклевкой перила, потом встряхнулся и неожиданно спокойно и деловито отправился вниз. Встретив звеньевского плотников, остановил его и громко сказал:

– Саша, у вас клеймера не прибиты на чердачной двери. Срочно надо сделать! Не забудь!

Показался парень. Он неспешно поднимался по ступеням. Увидев Маркелова, улыбнулся и пошел навстречу. А Виталий Трофимович разговаривал с плотником, не обращая

внимания на Анохина, хотя каждый его приближающийся шаг давил и давил на него. Но ничем не выдал этого Маркелов.

– За клеймерами надо вниз бежать, в будку. Может, завтра, с утра? Зачем сейчас время тратить? – возражал плотник.

– Нет!.. Выход на чердак и на крышу сегодня ночью должен быть на замке!

Парень остановился в двух шагах от них и, когда плотник недовольно взял ящик и двинулся вниз, обратился к прорабу:

– Извините, вы Маркелов?

– Он самый! – повернулся Виталий Трофимович к нему и стал разглядывать Анохина. – Где-то встречались, а где не припомню, – улыбнулся он. – Вы не из газеты?

– Почти угадал! – усмехнулся Анохин.

– Степа! – воскликнул Маркелов и радостно шагнул к нему, протягивая сразу обе руки.

– Степа, Степа! – ворчливо заговорил Анохин и кинул взгляд на плотника, который, спускаясь, оглядывался на них.

Они вошли в комнату.

– Значит, не забыл? А я боялся, что напоминать придется, – сказал Анохин.

– Долги свои я хорошо помню... Вернуть готов хоть завтра!

– Давай лучше не вспоминать о нем. Я не за этим... Нора

мне нужна недельки на две. Отсидеться! И будем квиты!

Виталий Трофимович отвел глаза в сторону и стал дрожащими руками шарить по карманам в поисках носового платка. Потом он торопливо и нервно вытирал вспотевшую шею и лоб и говорил:

– Понимаешь, я бы с удовольствием... Тем более, помня... Ну, сам понимаешь... Я сейчас ничего не имею с тем, прошлым... Дурость то была... Понимаешь, семья у меня... Жена, дочка... Кабы я один, то с удовольствием... Прости, друг, не могу... А деньги я верну! Все!.. И теща у меня сейчас... Не надо лучше, а?

Анохин насмешливо следил за Маркеловым.

– Читал уже?

Виталий Трофимович ничего не ответил, только вздохнул.

– Взгляни-ка, похож я на того, кого ищут?

Маркелов глянул на Анохина и тут же отвел глаза, ничего не ответив. Общего было мало, можно сказать, ничего не было.

На фотокарточке был коротко остриженный парень с пустыми глазами и с неестественно откинутой назад головой, а перед Виталием Трофимовичем стоял молодой человек с аккуратной прической, с живыми глазами, в глубине которых теплился слабенький оттенок грусти, особенно ощущавшийся, когда Анохин улыбался.

– Ну, похож или нет?

– Нет, – качнул головой Маркелов.

– А на преступника похож?

Маркелов снова отрицательно мотнул головой.

– Теща у тебя не живет! В трехкомнатной квартире найдется для меня уголок на две недели. Жене скажешь, что я приехал из другого города. Ясно? Выходить из квартиры буду не часто. За один день плачу «стольник». Где бы ты еще такого квартиранта нашел, а?

– Понимаешь, я не этого боюсь.

– Ну, что еще? – недовольно спросил Анохин.

– Семья у меня... жена, дочка...

– Знаю! Ну и что? – перебил Анохин. – Боишься, что ли, как бы я к жене не подвалил? Спи спокойно!..

Домой с работы ехали в автобусе. На душе у Маркелова было тягостно. Вся налаженная жизнь, все счастье семьи его висит на волоске. Любой неосторожный шаг квартиранта мгновенно разрушит все. А как неосмотрительно ведет себя Анохин! Вместо того чтобы не привлекать внимания людей, влез в разговор с девушками-малярами, которые были в автобусе, и рассыпается перед ними. На черта они ему сдались! А тем только дай похохотать. Виталий Трофимович стал прислушиваться к разговору. Анохин зубоскалил так складно, смешно, что даже Маркелов заулыбался и посмотрел на него впервые со стороны. «Он парень приятный, – подумал Виталий Трофимович с каким-то облегчением. – Перебьемся как-нибудь две недели... Дома только не усидит он, наверно. Человек общительный! Сколько он за день обещал – „стольник“? Сотню в день – это полторы тысячи почти за две недели. Видно, опять кассу грабанул?»

Выйдя из автобуса, Анохин весело помахал девушкам рукой, потом увидел гастронном рядом с остановкой и потащил туда Маркелова. Купил коробку конфет, шоколадку и бутылку шампанского. Анохин был в хорошем расположении духа. Теперь, думал он, есть где переждать, пока не найдет новые документы. А потом можно будет вычеркнуть Анохина Степана Игнатьевича из списков и начинать новую жизнь.

Не успела открыться дверь в квартиру Маркелова, как раздался звонкий, чуть картавый по-детски голосок:

– Папа пришел!

Виталий Трофимович ежедневно слышал этот радостный возглас дочери. Но сегодня он воспринял его с грустью, словно перед разлукой, и подумал, что Лида поймет по его виду, что у него что-то неладно, и подтянулся, приободрился. Он пропустил вперед Анохина. Девочка разбежалась навстречу, но, увидев незнакомого человека, остановилась и оробела.

– Что же ты застеснялась, а? – ласково заговорил Анохин. Он поставил «дипломат» на пол и присел на корточки: – Ну, иди ко мне. Иди! Не бойся!

Девочка взглянула на отца. Он улыбался. Тогда она нерешительно подошла к Анохину. Он взял ее на руки, ласково приговаривая:

– Ну, вот и молодец!.. Как тебя зовут, а?

– Лена, – тихо ответила девочка.

– Аленка, значит! А меня – дядя Степа! Ну, вот и познакомились! Дядя Степа тебе конфеты принес и еще что-то, – Анохин присел с девочкой на руках возле «дипломата», свободной рукой откинул крышку, вытащил коробку конфет и отдал девочке, потом спрятал шоколадку за спину. – Что у меня в руке? А?

Коробку конфет Лена взяла с удовольствием и потянулась через плечо посмотреть, что он прячет в руке за спиной.

– Э-э, не подглядывать! – засмеялся Анохин.

– «Аленка»! «Аленка»! – вдруг звонко завизжала Лена.

– Смотри-ка, сразу угадала! – удивился радостно Анохин и протянул девочке шоколадку.

– «Аленку» она любит больше всего, – ответил Виталий Трофимович, снимая туфли.

Он достал тапки из шкафа, стоявшего в коридоре, и бросил на пол возле Анохина. Наблюдая за дочерью и Анохиным, он думал: «А говорят, что дети прекрасно чувствуют людей и никогда не пойдут на руки к плохому... Может, просто Лена у нас такая ручная? Вроде бы не к каждому она раньше шла. А с ним, ишь, сразу освоилась!»

Лида все не выходила из комнаты, хотя, вероятно, слышала, что он пришел не один.

– Лида, у нас гости! – позвал Маркелов.

Слышно было, как в спальне торопливо захлопнулась дверь шкафа, и Лида ответила:

– Я сейчас!

А Анохин продолжал разговаривать с Леной, которая с довольным видом крутила в руке шоколадку, а другой прижимала к груди коробку конфет «Ассорти».

– Похожа на тебя Аленка? – спрашивал Анохин. – Ну-ка, давай посмотрим... Смотри-ка! Прямо как с тебя написана!

Дверь спальни открылась, и вышла жена Маркелова, поправляя на ходу прическу. Она была небольшого росточка, полненькая, но нельзя сказать, чтобы чересчур, вся какая-то чистенькая, беленькая. Выйдя из комнаты, она заговорила

виновато:

– Ой, извините меня! Я как раз переодевалась!

– Ничего, ничего... – почему-то смутившись, пробормотал Анохин.

От звука голоса Лиды у него на душе стало как-то тепло и покойно. «Понятно теперь, почему Маркелов не хотел, чтобы я у него жил!» – подумал он.

– Лида, это мой товарищ по техникуму. Он из Белгорода... Недели две у нас проживет...

– Конечно!.. Места хватит! – проговорила Лида, подходя знакомиться.

Анохин назвал себя, все еще чувствуя неловкость, словно он в грязных сапожищах ввалился в комнату на ковер. Девочка отдала матери конфеты, а потом и сама потянулась к ней.

– Проходите в комнату... Я сейчас поесть приготовлю, – сказала Лида и взяла девочку, потом обратилась к мужу: – А у тебя на работе как? Все наладилось?

– Куда там! – хмуро махнул рукой Маркелов. – Завтра, в субботу, работать...

Анохин вошел в комнату и остановился на пороге, удивленный. Такой комнаты он еще никогда не видел наяву: только в мечтах да в кино. Она, казалось, сама излучала приятный голубоватый свет. На стенах был нанесен колер какого-то необычного голубого небесного цвета, окно закрывали нежные капроновые шторы, портьеры были того же голубоватого цвета. На полу лежал большой ковер, в углу на тумбочке цветной телевизор. Высокая, под потолок, импортная стенка с резной инкрустацией на дверцах. Софа с накинутым на нее ковром у противоположной стены. Над софой третий ковер, поменьше. В одном из отделений стенки серебрился панелью японский магнитофон. Два глубоких кресла возле журнального столика со статуэткой, изображающей купальщицу, которая с берега пробует ногой воду: не холодна ли?

– Проходи, что ты остановился? – пригласил Маркелов.

Он заметил, какое впечатление произвела комната на Анохина, и это приятно отозвалось в груди. Они сели на софу. Но Анохин тут же поднялся, прошелся по коврику туда-сюда, словно пробуя, хорошо ли ходить по нему, потом остановился напротив книжного шкафа и окинул взглядом корешки книг. Здесь были в основном собрания сочинений зарубежных классиков. В комнату вбежала Лена, и Анохин повернулся к ней.

Маркелов молча наблюдал за дочерью и гостем. Он заметил, что Анохин возится с Аленкой не от скуки, а потому, что это нравится ему. И еще заметил Маркелов, что глаза Анохина, когда он разговаривал с девочкой, становились печальными и влажными. «Э-эх, дружок, видать, надоело шататься. Тянет к семье, к деткам!» – подумал Виталий Трофимович. Он встал, включил магнитофон и обратился к дочери:

– Леночка, спляши! Спляши дяде Степе...

Девочка посмотрела на Анохина. Он отпустил ее.

Она выбежала на середину ковра, остановилась и хлопнула ладошками в такт музыке, потом стала притопывать ногами, вдруг ловко повернулась на месте и стала плясать.

– Молодец ты какая! – воскликнул Анохин.

А девочка все плясала. Споткнулась и села с размаху на ковер. Довольный отец подхватил ее на руки и стал целовать.

– Скажи дяде, кем ты будешь, когда вырастешь?

– Артисткой, – картавя, ответила девочка, повернувшись к Анохину.

– Ах ты, артисточка моя! – вновь стал целовать дочь Маркелов.

Лида позвала на кухню. За столом разговорились. Лида расспрашивала Анохина о его жизни, о семье. Маркелов нервничал. А Анохин врал, что развелся с женой, что у него тоже дочка есть, только чуть-чуть постарше Леночки.

– Жили мы с женой вроде хорошо, – теребил Анохин бу-

мажную салфетку и говорил медленно, словно заново переживая прошлое. – Лучше, наверно, некуда! Дочка родилась... Я, когда уезжать из города собрался три дня дежурил в телефонной будке возле тещино дома, ждал – не выведут ли ее гулять! Посмотреть хотелось, хоть издали... Все было хорошо, пока жена на другую работу не перешла. Полегче, говорит! Я уж не заметил, как подружки у нее новые появились. Грубая она какая-то стала, недовольная всем... Я хватился, а изменить уж ничего нельзя... И разошлись... А развелись – все из рук валиться стало... В комнате тоска заедает, а выйдешь погулять, куда ни повернешься, вспоминаешь – там сидели, здесь гуляли, там целовались! Глупость всякая в голову лезла – витрину разбить или с милиционером подраться, чтоб в тюрьму попасть... Потом решил уехать... Может, здесь, где устроюсь...

Анохин замолчал.

– Да-а! – вздохнула Лида. – Никогда не знаешь, откуда ее ждать, беду-то...

Анохин грустно и неотрывно смотрел в одну точку, на тарелку с сыром, нарезанным тонкими ломтиками. Лида со страданием глядела на него, не зная, как деликатнее оторвать Анохина от грустных воспоминаний.

– Давайте допьем! – предложил Маркелов.

Анохин пил шампанское неспешно, глотками, отхлебнет немного – и оторвется от бокала, отхлебнет – оторвется.

Зазвонил телефон. Маркелов вышел. Анохин отвел

взгляд от тарелки и посмотрел ему вслед. Слышно было, как Виталий Трофимович снял трубку и быстро ответил:

– Да! Здравствуй!

Затем наступила тишина, беспокойная долгая тишина. Нарушил ее приглушенный и взволнованный голос Маркелова:

– Ты же говорил тогда... Последний раз! А теперь опять?... Я не могу... Пойми, не могу больше... И у меня гость сейчас... Может...

Маркелов замолчал. Через минуту покорно и устало ответил:

– Не забуду! Иду!

Он положил трубку, но долго не появлялся, потом вошел с сердитым и раздраженным лицом и развел Руками:

– Опять двадцать пять! Этот дом из меня все жилы вытянет! И все из-за этой бездарности... На комбинат какая-то шишка приехала... Требуется немедленно быть... Скоро из постели в полночь вынимать будут... Человека сколько не видел, поговорить не дадут. Ты уж извини, Степа, я постараюсь побыстрее. Может, через часик буду! Вы посидите еще... Я побегу собираться!

Виталий Трофимович выскочил в коридор и минуты через две заглянул уже в пиджаке. Был он, по глазам видно, сильно взволнован чем-то.

«Неужели он так перед начальством дрожит?» – подумал Анохин и спросил у Лиды, когда за Маркеловым захлопну-

лась дверь.

– Что он так разволновался?

– Видать, не получается у него что-то... Нагоняя ждет! Раньше ему работалось лучше. Премии большие давали! Правда, и мотался он тогда – не дай бог! Худющий был, страх! Даже спал беспокойно... Потом вроде успокоился немного, поправляться стал. А тут начальство сменилось, все по-своему поворачивает...

Леночка потянулась за кусочком сыра. Она не достала и попыталась встать на коленях у матери.

– Лена, ты уже наелась, хватит с тебя, а то опять плохо будет, – усадила ее мать и продолжила: – В этом месяце ему нужно сдавать школу и дом. Витя за дом в основном отвечает, там дела шли хорошо, как обычно, а на школе отставали. Начальник новый взял людей с дома да на школу перевел на целую неделю. Школу-то сдали, а дом стоит... Витя изнервничался весь!.. Завтра работать придется. А мы за ягодами в лес собирались! Я уж и с Галкой, подружкой своей, договорилась, а теперь отказываться придется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.